

ОТЪ АВТОРА.

Ученыхъ много, умныхъ мало,
Знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ.

Въ предисловіяхъ принято говорить, что авторъ предлагаетъ свое произведеніе на судъ общества:

— Не суда общества я требую этой книгой! Я требую вниманія русскаго общества къ поднимаемымъ мною темамъ. Нельзя судить, покамѣстъ не пересмотрѣны сами основанія, на которыхъ судятъ.

Русское общество, которое „судило“ книги, подобныя моей,—увы, не всегда было судьей нелицепріятнымъ, а моя книга какъ разъ касается этого существеннаго обстоятельства. Она касается деликатнаго обстоятельства, именно того, какъ судило наше общество; судило ли оно дѣйствительно правильно, не было ли оно „судей несправедливымъ“, и въ чемъ причины этой самой несправедливости? Больше того, я долженъ поставить вопросъ, — было ли это „судящее общество“—русскимъ обществомъ?

Вотъ почему я не требую „суда общества“. — Нѣтъ, напротивъ того, моя книга должна быть крикомъ „слово и дѣло“ именно по поводу этого, такъ называемаго „суда“ интеллигентскаго общества, должна требовать суда надъ нимъ самимъ.

Я не критикъ, который находитъ упоеніе въ радости словъ. Вокровомъ этой красивой радости забываетъ страданіе Родины. Я не журналистъ, который ищетъ ослѣпительныхъ парадоксовъ, соблазнительныхъ сенсацій и сомнительнаго успѣха скандала. Нѣтъ, эта книга писана не этими людьми. Эта книга написана прежде всего русскимъ, національнымъ, политическимъ работникомъ, который своей завѣтной цѣлью ставитъ благо нашей Родины, Святой и Прекрасной, но поруганной, униженной и оскорбленной Россіи.

Въ этомъ смыслѣ я — политическій трибунъ, который взобрался на возвышеніе и кричить, зоветъ, призываетъ вниманіе своего народа къ вопросамъ, въ которыхъ заключается весь корень нашей общей распри. Въ шумѣ гражданской войны, въ кипѣніи противоборствующихъ страстей я требую себѣ слова и вниманія по самому главному пункту политическаго момента:

— Насъ намѣренно раздѣляютъ, мы находимся въ чужихъ рукахъ, мы находимся подъ чужимъ вліяніемъ! Всѣ несчастія Россіи въ томъ, что свыше двухъ послѣднихъ столѣтій она дѣлала чужое дѣло!

Эта моя книга не можетъ, конечно, быть тѣмъ, что называется научной книгой, то есть книгой, облеченной въ одежды научной формулировки, и снабженной такъ наз. „научнымъ аппаратомъ“. Боюсь, что за этимъ научнымъ авторитетомъ, отъ котораго прилипалъ у многихъ людей языкъ къ гортани, зачастую скрывался до нынѣ самый неприкрытый соблазнъ! Боюсь, что именно этотъ научный авторитетъ преступно велъ къ молчанію простой и трезвой критики дѣйствительнаго положенія нашей Родины. Но я въ то же время, конечно, скорблю, что моя книга не научна; я очень сожалею о томъ, что ее написалъ я, а не кто-либо изъ ученыхъ русскихъ людей, облеченныхъ этимъ самымъ „научнымъ авторитетомъ“; если бы онъ къ этому авторитету присоединилъ и истину, если бы онъ въ ученыхъ и обоснованныхъ, какъ бетонъ, формулахъ сказалъ то, что у насъ всѣхъ давно на умѣ и на языкѣ, — это было бы триумфомъ русскаго духа. Но увы! „Ученые“ этимъ дѣломъ не занимаются — почему, увидимъ ниже. Но пусть я неучъ, пусть я „дремучій дикарь“, какъ меня именовали уже по поводу моихъ взглядовъ нѣкоторые мужи науки — я долженъ былъ написать эту книгу, такъ какъ сами ученые упорно не хотятъ говорить о томъ, что въ ней заключается:

— Эта книга — книга борьбы за истинную свободу русскому народу такъ долго отводять глаза!

Тѣ вопросы, которые я ставлю въ этой политической „книгѣ борьбы и гнѣва“, давно необходимо поставить прямо, честно и открыто. Пора пробить эту брешь для свѣта въ русскомъ сознаніи, искусственно затемняемомъ съ давнихъ поръ. Если было прорублено давно пресловутое „окно въ Европу“, — пора же рубить окно и въ Россію, чтобы у насъ былъ „свой свѣтъ въ окошкѣ“. Это необходимо тѣмъ

болѣе, что мы не одиноки уже въ этой тенденціи. Вопросы, которые поставлены въ этой книгѣ, давно вышли изъ подспуднаго, потайнаго существованія, они стоятъ передъ всемъ міромъ, горятъ, какъ свѣча наверху горы. Масонство и его вліяніе обсуждаются всѣмъ міромъ. Мы болѣе не одиноки въ нашихъ исканіяхъ и въ нашихъ нахожденіяхъ причины современныхъ золъ; тѣ, кто для оправданія истины требуютъ непремѣнно взгляда, брошеннаго на Западъ, дабы удостовѣриться, что и тамъ, въ передовыхъ странахъ говорить объ этомъ, — могутъ быть совершенно спокойны. Проблемы, которыя издавна ставились русскимъ націонализмомъ, и которыя ставятся нами въ этой книгѣ — на Западѣ тоже поднимаются во весь ростъ. Царство искусственныхъ сумерекъ, въ которыхъ всѣ политическія кошки были сѣры, кончилось.

Итакъ, нашъ лозунгъ:

— Къ свѣту! Къ ясному, безпощадному свѣту критическаго самопознанія!

И все же я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что къ моей книгѣ отнесутся иронически и недовѣрчиво, назовутъ ее обскурантскою, наклеютъ на нее всѣ приличествующіе этому случаю и поводу позорные ярлыки. На эти попытки мы должны отвѣтить:

— Стара штука! Не запугаете! Не мы обскуранты, а вы обскуранты! Вы, тѣ, которые держали русскій народъ въ невѣдѣніи, управляли имъ при помощи соблазнительныхъ понятій, увлекали его пестрыми побрякушками, и наконецъ бросили его на край гибели, истощеннаго, оболганнаго, соблазненнаго!

— Вы обскуранты, потому что видя то, къ чему привели ваши попытки—вы и до сихъ поръ держитесь за нихъ, не желаете бросать этихъ губительныхъ методовъ, преданные тщетно мечтѣ построить на лукавствѣ и на хитрости золотое Лѣнѣно Астреи.

Катастрофа Россіи—явленіе слишкомъ грандіозное, чтобы его обойти молчаніемъ. Мы платимъ слишкомъ дорого за нашъ опытъ, чтобы не имѣть права воспользоваться его результатами. Мало того, что Россія лежитъ на краю гибели,—и Европѣ грозитъ та же гибель, и въ Европѣ растутъ волны негодованія на тѣхъ, которые привели къ гибели. И поэтому и тамъ и здѣсь мы должны поставить въ упоръ вопросъ:

— Въ чемъ же дѣло? Гдѣ причина всѣхъ несчастій современнаго міра?

Я отвѣчаю на этотъ вопросъ такъ:

— Въ Россіи играла ведущую роль интеллигенція. Эта интеллигенція въ продолженіи послѣднихъ двухсотъ сличкомъ лѣтъ связала свою судьбу идеологически преимущественно съ масонствомъ, съ тѣмъ кругомъ идей, которыя такъ ярко, выразительно, соблазнительно, систематично проповѣдывало это теченіе европейской мысли. И можетъ быть, ни гдѣ какъ въ Россіи роль масонства не оказалась столь губительной, столь страшной, потому что европейское общество не могло отдаться этимъ идеямъ съ той честностью, страстностью, вѣрой и горячностью неофита, съ которой отдалась этому теченію наша интеллигенція. Не можемъ мы забывать того, что наша интеллигенція—русская интеллигенція, со всѣми качествами, которые присущи именно нашему, русскому народу. Русская интеллигенція, служа кругу масонскихъ идей, добившись въ своемъ порывѣ того, что исторія русской интеллигенціи за 200 послѣднихъ лѣтъ стала исторіей масонства—служила идеямъ этимъ не за страхъ, а за совѣсть, „честно и грозно“, такъ, какъ всегда служитъ идеямъ русскій человѣкъ, видящій въ нихъ смыслъ жизни, а не средство къ личному благополучію. Виноваты ли онъ въ томъ, что его поймали на вѣковѣчномъ русскомъ стремленіи къ правдѣ, причемъ ликъ Русской Правды былъ замѣненъ лозунгомъ чужимъ и дальнимъ—Свобода, Равенство, Братство?

Русская интеллигенція во вредъ себѣ, но изъ идеалистическихъ, чистыхъ побужденій, сдѣлала масонство тоже чистымъ, въ то время, какъ европейское масонство—грубо и полностью эгоистично, и занято только тѣмъ, что преслѣдуетъ свои національные интересы. Ведущіе слои Англіи, Франціи и Германіи, намѣренно питая масонство въ Россіи, преслѣдовали свои собственные интересы, въ то время, какъ Россія, вѣря ихъ проповѣдямъ, преслѣдовала цѣли общечеловѣческія, цѣли Всемирной Правды.

Вотъ это одно и даетъ намъ утѣшеніе въ скорби, которую приходится испытывать, ниспровергая многое изъ того, чему привыкли поклоняться, чтить, уважать.

— „Русскій народъ, говорилъ нашъ пророкъ Достоевскій въ своей „Рѣчи о Пушкинѣ“, произнесенной въ Москвѣ 8 іюня 1880 года, не изъ одного только утилитаризма принялъ Петровскую реформу... Вѣдь

мы разомъ устремились тогда къ самому жизненному воссоединенію, къ единенію всечеловѣческому. Мы не враждебно, а дружественно приняли въ душу нашу геній чужихъ націй, всѣхъ вмѣстѣ, не дѣлая преимущественныхъ племенныхъ различій, умѣя инстинктомъ, съ перваго шагу различать, снимать противорѣчія, извинять и примирять различія, и тѣмъ уже вызскавали готовность и наклонность нашу, намъ самимъ только что объявившуюся и сказавшуюся, ко всеобщему человѣческому воссоединенію со всѣми племенами великаго Арійскаго рода. Да, назначеніе русскаго человѣка есть безспорно всеевропейское и всемірное! *)

Слѣдую въ этомъ стремленіи за лозунгами, данными Западной Европой, и никѣмъ другимъ какъ масонствомъ,—(долженъ же былъ кто то дать эти лозунги?)—русскіе интеллигенты искали искренне въ немъ Правду Божію, и тѣмъ были сведены съ правильныхъ путей. Они дѣйствовали не изъ меркантильныхъ расчетовъ, какъ дѣйствовала Европа, они открывали свои сердца.

И нужно сказать прямо, что Русскіе были уловлены на это свое добросердечіе. И теперь пора вмѣстѣ съ другими націями предъявить международному масонству счета объ убыткахъ.

Нужна ли моя попытка—этой книгой вскрыть, выявить, выяснить и представить русскому обществу причины нашей катастрофы по моему разумѣнію и по непреложнымъ фактамъ? Нужно ли производить слѣдствіе по дѣлу о разразившейся въ Россіи катастрофѣ? Считаю, что это необходимо. Виновные въ этой катастрофѣ должны быть найдены. Пусть не для мѣсти, а для того, чтобы намъ сойти съ невѣрныхъ путей, примирившись съ народомъ, къ которому мы „должны вернуться послѣ двухсотлѣтняго отсутствія“ (Достоевскій).

Моя книга можетъ быть замолчана, что весьма вѣроятно, въ такъ называемомъ высшемъ интеллигентскомъ русскомъ обществѣ, декларирующемъ себя всегда свободнымъ, но всегда очень пассивно держащимся въ шорахъ тѣхъ указокъ, которыя ему даются. Въ немъ нѣтъ свободы критики, нѣтъ ясности въ мышленіи, нѣтъ — увы! — независимаго національнаго мнѣнія. О моей книгѣ скажутъ и то, что она руководится только

*) „Дневникъ Писателя“, за 1880 г. стр. 448.

чувствомъ злобы, которое де „слѣпить“.... Нѣтъ, дорогие соотечественники, пора вамъ увидѣть то, что привело насъ, нашу Россію, на край гибели, пора увидѣть то, что лицемѣрными и ханжескими идеалами, подъ которыми проводились эгоистическія иностранныя цѣли, затемняло наше зрѣніе, не позволяло намъ видѣть нашего русскаго пути.—Да, нашъ русскій путь, какъ говорилъ выше нашъ національный пророкъ Достоевскій,—путь всемірный, но онъ лежитъ не черезъ Европу, а черезъ нашу національность.

— Что дѣлала Россія въ своей политикѣ, спрашиваетъ Достоевскій въ той же рѣчи о Пушкинѣ, „какъ не служила Европѣ, гораздо болѣе, чѣмъ самой себѣ“?

...— „И въ послѣдствіе, я вѣрю въ это, продолжаетъ онъ, что мы, то есть не мы, а будущіе русскіе люди поймутъ уже всѣ до единого, что стать настоящимъ русскимъ и будетъ именно значить:

—Стремиться внести примиреніе въ европейскія противорѣчія уже окончательно, указать исходъ европейской тоскѣ, въ своей русской душѣ, всечеловѣчной и всесоединяющей, вмѣстить въ нее съ братской любовью всѣхъ нашихъ братьевъ, а въ концѣ концовъ можетъ быть изречь окончательное слово великой, всеобщей гармоніи, братскаго окончательнаго согласія всѣхъ племенъ по Христу, по евангельскому закону“ *).

— „И не надо, говоритъ Достоевскій, возмущаться сказаннымъ мною, что: „нищая земля наша, можетъ быть въ концѣ концовъ скажетъ міру новое слово“...

Смѣшно также и увѣрять, что прежде чѣмъ сказать міру новое слово—„надобно намъ самимъ развиться экономически, научно и гражданственно“, и только тогда мечтать о „новыхъ словахъ“ такимъ совершеннымъ будто бы организмъ, какъ народы Европы“.— „Но... основныя, нравственныя сокровища духа не зависятъ отъ экономической силы. Наша нищая, неурядная земля, к р о м ѣ в ы с ш а г о с в о е г о с л о в а — к а к ъ одинъ чело в ѣ к ѣ... Напротивъ того, въ этой Европѣ, гдѣ накоплено столько богатствъ, все гражданское основаніе всѣхъ европейскихъ націй—все подкопано, и можетъ быть, завтра же рухнетъ безслѣдно, навѣки вѣковъ, а взамѣнъ нѣчто неслыханное, ни на что прежнее не похожее. И всѣ богатства, накопленныя

*) Тамъ же.

Европой, не спасутъ ее, ибо „въ одинъ мигъ исчезнетъ и богатство“.... „И между тѣмъ, на этотъ то подкопанный и зараженный гражданскій строй и указываютъ народу нашему, какъ на идеаль, къ которому онъ долженъ стремиться, и лишь по достиженіи этого идеала онъ и осмѣлится пролепетать свое какое то новое слово Европѣ... Неужели же и тутъ не позволятъ русскому организму развиваться національно, своей органической силой, а непременно обезличенно, подражая Европѣ! и т. д.

Вотъ почему, опираясь на авторитетъ этого нашего національнаго генія, я и заявляю, что намъ необходимо прежде всего искать истину, единящую насъ съ нашимъ народомъ, съ нашей исторіей. Пора перестать вспоминать съ умиленіемъ только дѣятельность Петра, только дѣятельность Екатерины, только дѣятельность интеллигенціи, какъ свѣтлаго начала, боровшагося съ „темнымъ царствомъ“ народа и съ „черной сотней“, и такъ далѣе, а пора вспомнить о томъ, что тысячелѣтія таили и таить въ себѣ нарды въ историческихъ идеалахъ православія и самодержавія. Смѣшно отказываться отъ нашей исторіи, отъ нашихъ историческихъ путей. Смѣшно говорить о томъ, что мы можемъ вернуться на проиженные пути. Нѣтъ! Не можемъ! Но столь же вѣрно и то, что и впереди лежащіе наши пути исторически коренятся въ старыхъ нашихъ исходахъ.

Допускаю, что возможно, что думы мои ошибочны,—но это не причина отказываться отъ нихъ. Тѣмъ болѣе нужно изслѣдовать то, что въ нихъ истиннаго, и отказаться отъ того, что въ нихъ невѣрнаго. На выработку руководящихъ идей, которыя должны быть въ полномъ историческомъ согласіи съ народомъ нашимъ, съ его исторіей, съ его путями—должны быть брошены всѣ силы русской интеллигенціи, энергически, дѣятельно, свободно изслѣдуя всѣ эти вопросы, не отвертываясь отъ „темнаго мужика“, отъ „фабричнаго“, и считая, что просвѣщенно то, что приходитъ съ Запада, и только. Къ тому же теперь надо сознаться, что Западъ нашъ врагъ, и что въ этомъ смыслѣ оправдывается другое вѣщее слово нашего мыслителя, замолчанное до сей поры, слово Н. Я. Данилевскаго:

— „Европа не знаетъ насъ, потому что не хочетъ знать.. Мы находимъ въ Европѣ союзниковъ лишь тогда, когда вступаемся за чуждые намъ интересы“ *).

*) Н. Я. Данилевскій. „Россія и Европа,“ стр. 67.

И принимая отъ Запада духовный хлѣбъ—не должно ли по одному этому подозрѣвать, что онъ отравленъ задачами политическими?

Но если въ отдѣльных частяхъ мои положенія и будутъ ошибочными, то въ другихъ частяхъ они будутъ вѣрны. Что же касается ошибочныхъ, то ихъ необходимо исправить общей русской работой въ указанномъ направленіи.

И поэтому, выпуская теперь въ свѣтъ свою книгу, могу сказать, что безразлично, примутъ ли мои взгляды теперь, или нѣтъ, будутъ хвалить меня, или бранить,—во всякомъ случаѣ, слово сказано, причина названа, а всякое слово, какъ сказанное, не затеряется.

Рано или поздно, а вопросъ о томъ, что такое мы русскіе, каковы наши пути, какова причина нашихъ блужданій в теченіе нашей исторіи—встанетъ во весь ростъ передъ русскимъ обществомъ, и вставъ однажды, заставитъ пересмотрѣть тотъ путанный ходъ ея, который привелъ насъ къ такой колоссальной катастрофѣ въ исходѣ второго десятилѣтія XX вѣка, возложивъ на наши пути революцію, которой русскій православный человѣкъ не зналъ и никогда не хотѣлъ, будучи устремленъ въ единую практичность національнаго соборнаго, справедливаго дѣланія, въ своеобразіи національных и государственныхъ своихъ формъ, по своему русскому пути.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Что погубило Россію?

„Повѣрь мнѣ,—народъ не старѣетъ и не умнѣетъ; народъ остается всегда ребенкомъ“.

Г е т е.

„Только избранные могутъ отдаваться чувству славы и свободы, великимъ и возвышеннымъ идеямъ, ради которыхъ они готовы на всѣ жертвы. Масса ищетъ покоя и хочетъ принести какъ можно меньше жертвъ“.

Т ь е р ь.

Большой русскій мыслитель В. В. Розановъ, умершій въ СССР отъ голода, въ своемъ „Апокалипсисѣ нашего времени“ пишетъ:

„Русь сплняла въ два дня, самое большее въ три. Даже „Новое Время“ нельзя было закрыть такъ скоро, какъ закрылась Русь! Поразительно, что она разомъ разсыпалась вся до подробностей, до частей, и, собственно, подобнаго потрясенія никогда не бывало, не исключая „великаго переселенія народовъ“. Тамъ была—эпоха „два или три вѣка“. Здѣсь три дня, кажется, даже два. Не осталось царства, не осталось церкви, не осталось войска, и не осталось рабочаго класса. Что-же осталось-то? Станнымъ образомъ—буквально ничего!“ *)

Въ этихъ краткихъ и жуткихъ словахъ съ поразительной точностью изображено наше національное несчастье.

В. В. Розановъ правъ въ своемъ тяжкомъ и убійственномъ для насъ приговорѣ: Россія — разсыпанное царство. Настоящее русскаго народа — темно, его будущее — загадка.

Русскій народъ не только покорно влачить цѣпи неволи и рабства интернаціональной власти, но онъ духовно ослѣпъ, погрузился во тьму и пока нѣтъ никакихъ признаковъ на его духовное озареніе и возрожденіе.

*) В. В. Розановъ, „Апокалипсисъ нашего времени“, стр. 6.

Въ душу закрадывается тревога и сомнѣніе за судьбу русскаго народа, какъ націи. Съ каждымъ годомъ возрастаетъ число пессимистовъ, которые зловѣще предрекаютъ, что русская нація — это „бывшая нація“, что русскій народъ закончилъ свой историческій путь и въ будущемъ неспособенъ сказать міру своего слова.

Страшная зіяющая пустота на мѣстѣ самобытной культуры невольно заставляетъ поставить вопросъ:

— Почему погибла величайшая страна несомнѣнно даровитого народа и кто виноватъ въ его паденіи?

За семнадцать лѣтъ нашего разсѣянiя и сидѣнiя на рѣкахъ Вавилонскихъ мы не удосужились поставить и разрѣшить эту загадку.

Эмиграція живетъ элегическими воспоминаніями о далекомъ и прекрасномъ прошломъ.

Въ назиданіе будущимъ поколѣніямъ пишутся длиннѣйшіе мемуары, въ которыхъ измѣнившіе своему Верховному Вождю генералы въ оправданіе своего клятвопреступленiя и предательства доказываютъ, что они предвидѣли надвигающуюся бѣду, предлагали принять необходимыя мѣры, но ихъ не слушали, не приняли во вниманіе ихъ мудрыхъ совѣтовъ, а потому и случилось то, что случилось.

Передовые общественные дѣятели, застрѣльщики и поджигатели бунта, приведшаго къ гибели Россіи, главнымъ и единственнымъ виновникомъ революціоннаго взрыва считаютъ „кровавый царизмъ“, который не допускалъ къ управленію „живыхъ силъ страны“, не далъ „министерства общественнаго довѣрія“ и помѣшалъ новымъ благодѣтелямъ народа превратить Россію въ передовую демократическую страну по лучшимъ образцамъ Запада.

Многіе отдѣлываются общими мѣстами, указывая на нашу неподготовленность къ войнѣ, неудачи на фронтѣ, плохую постановку продовольственнаго дѣла, усталость народа отъ войны, какъ причины, вызвавшія народное недовольство и приведшія къ революціи.

Начитанный до отказа, но узкій и банальный, какъ и всякій либераль, „маститый ученый“ Струве причину революціоннаго движенiя видитъ въ интригахъ коварныхъ нѣмцевъ, которые задумали и осуществили русскую революцію *).

Новоявленные глашатаи религіозной истины въ родѣ

*) Петръ Струве. „Размышленія о русской революціи“.